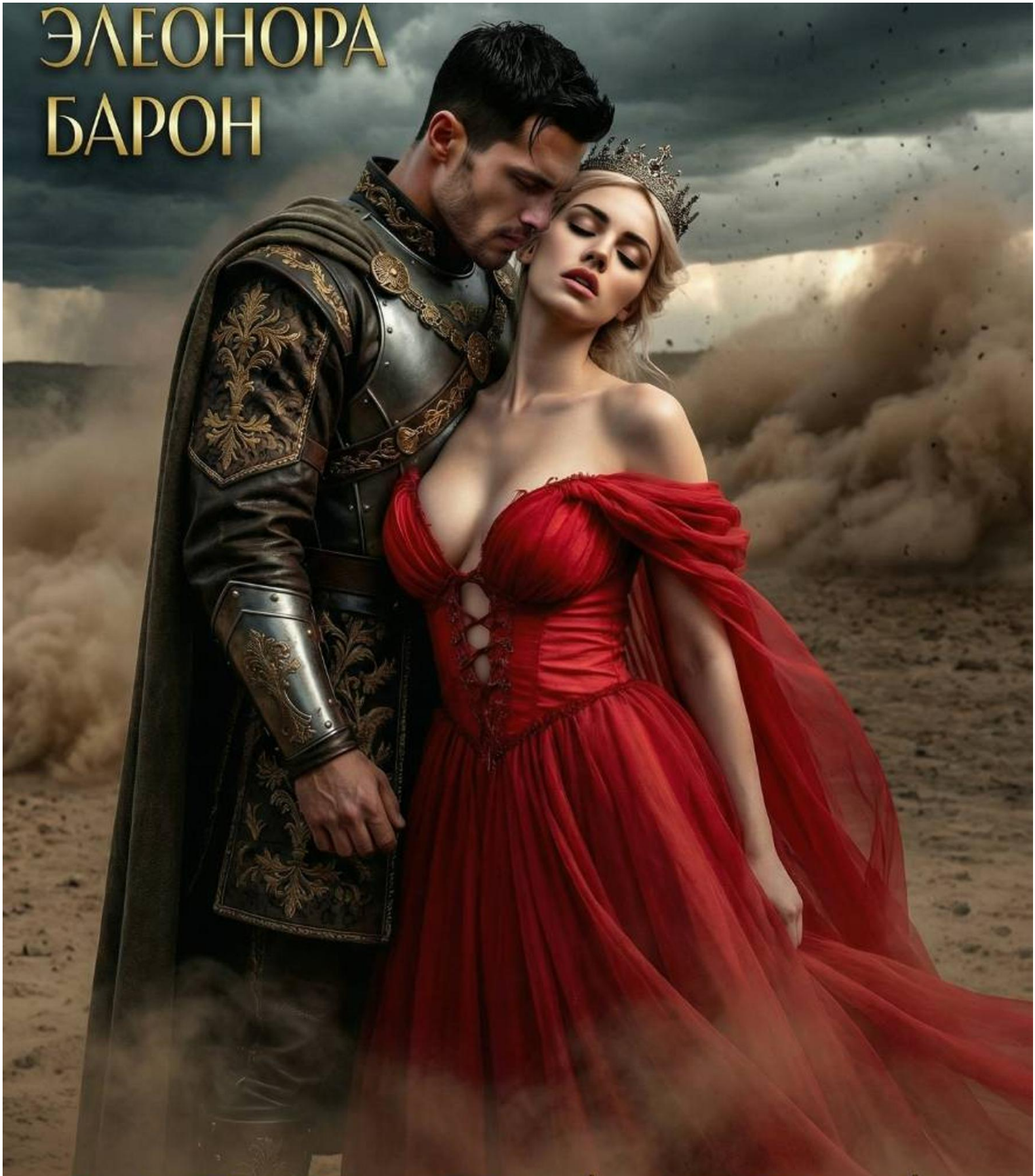
ЭЛЕОНОРА
БАРОН

КОРОЛЕВА

Я ЛИШУ ТЕБЯ ДАЖЕ ИМЕНИ

Элеонора Барон

Королева. Я лишу тебя даже имени

«Автор»
2026

Барон Э.

Королева. Я лишу тебя даже имени / Э. Барон — «Автор», 2026

Меня, королеву Ингер подставили, обвинили в измене мужу. Бросили в тюрьму, заклеймили. Меня лишили титула, всего. Меня лишили даже имени.И сделал это мой любимый муж, мой король. Но я выстою и со всем справлюсь, ради долгожданного ребенка, которого я ношу под сердцем.

© Барон Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 25
Глава 11 28
Глава 12 30
Глава 13 33
Глава 14 36
Глава 15 39
Глава 16 42
Глава 17 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Элеонора Барон
Королева. Я лишу тебя даже имени

Глава 1

Мои глаза с трудом открылись. Где я? Я лежала на спине, с головой наклонённой чуть вправо, и ошарашенно смотрела в глаза полулежащего на мне мужчины. Которого я видела в первый раз в жизни.

Я уставилась в его глаза, тоже полные ужаса, и ничего не понимала. Мои глаза метались по незнакомой комнате, по лицу незнакомца, по его руке, лежащей на моей обнажённой груди.

Я никак не могла сообразить, что со мной и где я. Дурной сон? Я пробовала закрывать глаза и кричала себе мысленно:

– «Проснись, Ингер!!! Проснись!!!»

Ведь вчера вечером я ложилась в свою кровать. В своей комнате. И я очень долго не могла уснуть. Ворочалась, пока не встала и не выпила стакан молока, приготовленный мне служанкой. Новенькой. Старая, как испарилась. Пропала. Но меня это не волновало вчера, мои мысли были заняты вчера другим.

Душа моя пела от счастья и в предвкушении, как я сообщу Тео новость. Моему мужу, моему любимому. Моему королю. Уже как месяц с хвостиком он надел корону, после того несчастного случая в горах с его старшим братом.

Завтра я прошепчу ему, что его королева ждёт ребёнка. Нашего ребёнка. Нежность охватила меня, когда я представила, что внутри меня зародилась крохотная душа. Почему-то мне казалось, что это сын. Будущий король.

Никто об этом ещё не знал. Ни единая душа. Вчера я уколола себе палец и кровью капнула на сухой лист вестника. Травы, которая росла только в моих родных краях, и которую в матерчатом мешочке я привезла во дворец. Даже засушенная она не меняла свои свойства – если на неё попадала капля крови женщины, носящей ребёнка, лист белел. Я уже столько пальцев себе исколола.

И мою душу затопило теплотой, когда я увидела эту растекающуюся сияющую белизну.

Я беременна! Захотелось плакать от счастья. Полгода ничего, а тут. Теодор, мой любимый, и теперь уже мой король, отправился отражать конфликт на границе и должен был вернуться завтра.

Полгода. Целых полгода мы были женаты. Это был брак по любви. Огромной, захватившей нас с первого взгляда, когда Тео со своим братом Якобом, ещё тогда младшими принцами, проезжали через наш городок. И в честь них был организован бал. Меня, дочь небогатого барона, затащила на него моя подруга.

– Ингер, ну и что, что у тебя нет нового платья. Надень то голубенькое, оно тебе очень идёт. Ты же у нас и без богатых нарядов красавица. Посмотри на себя – голубоглазая, стройная. А копна волос чего стоит? Такого богатства на голове ни у кого из наших нет.

Жаль, конечно, что вы очень бедные – высшие семьи не пойдут на такой союз. Ну и что. Встретишь ещё не очень родовитого, но хорошего. А пока хоть на принцев одним глазком посмотришь. Жалко, старшего Магнуса не увидим. А так бы на будущего короля глянули.

И я пошла в скромном видавшем виды старом платье.

Стесняясь своего вида, побродила по полутёмному саду. Там со мной случился один инцидент, но я никому о нём не рассказывала, ни одному человеку, ни подруге, ни отцу, ни даже Теодору. Особенно Теодору.

И после того инцидента я решила, что среди людей мне будет безопасней. И там я в прямом смысле слова налетела на моего принца и чуть не упала. Он обнял меня, поддерживая, и больше не отпускал. Это была любовь с первого взгляда. Я утонула в его смеющихся глазах, от которых лучиками разбежались морщинки:

– Девушка, разве можно так сразу сбивать меня с ног и с разума? У вас духи волшебные? У меня все мысли сразу из головы выветрились.

И я, как дура, расплылась в глупой улыбке. Раньше я видела его только издалека. Сурового среднего сына. Мне он казался таким грозным. Генерал Теодор. Он постоянно носился по границам. Или с отрядами уезжал в далекие земли.

Мы протанцевали с ним весь вечер, хотя это было неприлично. А на следующее утро Теодор пошёл к моему отцу просить моей руки.

Папа обомлел тогда, и дар речи потерял, но посмотрел на меня, счастливо улыбающуюся, и согласился.

Была свадьба. Не королевская. Королём стал Магнус. Спокойный, вдумчивый старший сын, а Теодор был средним, генералом королевских кровей.

Это всё было полгода назад, а сейчас я проснулась в постели голая с совершенно мне незнакомым мужчиной.

Глава 2

Я попробовала двинуться, но к своему ужасу поняла, что не могу. Я чувствовала своё тело, шершавость простыней, тяжесть руки мужчины, прохладу, царившую в комнате. Паника затопила меня огромной морской волной. Но я не могла ничего, даже промычать. Моё тело не принадлежало мне больше, отказываясь подчиняться.

Я даже не могла плакать, не то что двигаться или говорить. Да и мужчина рядом со мной, вероятно, тоже. Мы не могли ничего, только смотреть друг на друга с бесконечной тоской.

Самое страшное, что у нас даже дыхание не сбилось. Наши обнажённые тела стали железными клетками, в которых метались наши души. Холод ужаса сковал вначале пальцы моих ног и морозным узором медленно поднимался наверх. Я понимала, что всё это не просто так. И мужчина, смотрящий на меня, тоже. Молодой симпатичный блондин. В его глазах я прочитала обречённую грусть. Похоже, он знал меня и понимал, что оказался в постели с королевой, а также догадался, что последует за всем этим.

А потом вдруг послышались крики, шаги, грохот выламываемой двери, и в комнату ворвалась толпа людей.

– Смотри, брат, – послышался голос Якоба, младшего брата Теодора, – я говорил, но ты мне не верил. Я говорил тебе, что эта лживая тварь изменяет тебе. Да у неё с десяток любовников. Вот один из них, пожалуйста, удостоверься.

Рука принца сдёрнула одеяло, и холодом пахнуло на моё абсолютно голое тело. Мужчину, лежащего на мне, откинули, и я увидела Якоба с искажённым от ярости лицом, замахивающегося ножом.

Удар, и кровь обрызгала моё лицо. Я еле успела закрыть глаза, чувствуя, как капли, обжигающие капли крови стекали по моим щекам, как слёзы, которыми я не могла плакать. Несчастный мужчина забился в агонии и затих.

Я закричала и забилась в истерике внутри моего сердца, маленькой испуганной душой. Но этого никто не видел и не слышал. Для всех я неподвижно и равнодушно лежала в кровати со своим любовником. Пойманная на месте преступления и молчащая в знак признания своей вины.

Открыла я их, когда услышала тяжёлые шаги слева. Не в силах двинуть головой, я только посмотрела в ту сторону глазами.

Ко мне подошёл Теодор. Бледное, почти белое лицо, плотно сжатые губы. И чёрные глаза, с такой ненавистью смотревшие на меня, казалось, наносили по мне режущие удары.

«Не верь, Тео! Не верь глазам своим. Глаза лгут», – кричала я беззвучно.

И опять голос Якоба:

– Посмотри, брат, эта тварь даже не оправдывается. Поняла, что её поймали на горячем.

Теодор подошёл ко мне вплотную и со всей силы ударил меня по щеке так, что моя голова дёрнулась и повернулась к мёртвому мужчине с начавшими стекленеть глазами, уставившимися в потолок. Чёрная кровь медленно вытекала из уголка его рта. Прямо на ослепляющую своей белизной простыню. Такую же белую, как листок вестника после капельки моей крови.

Боль от пощёчины не могла затмить ту боль, что испытывало сердце. Моё маленькое бьющееся сердце, истекающее кровью, которое, как листок бумаги, разрывали на куски. Каждым словом, каждым движением. Он ударил меня. Меня ударили.

– А я, – выдавил из себя мой король, – я тебе верил.

– Не-е-е-ет, – кричала я беззвучно и отчаянно рыдала навзрыд, запертая в своём неподвижном теле. С душой, мечущейся, как в клетке.

«Тео, нет. Это всё ложь! Голая ложь! Тео, у меня не было мужчин кроме тебя. Тео, я беременна. Я ношу твоего ребёнка! Тео, пожалуйста, поверь мне. Я люблю тебя!»

Я рыдала во весь голос, но никто меня не слышал. На самом деле у моего тела даже дыхание не сбилось. Сейчас я могла смотреть только на мёртвого мужчину рядом, как будто отвернулась от стыда, не в силах смотреть в глаза мужу.

Я слышала, как мой любимый отступил от кровати и отдал приказ:

– Эту в тюрьму. Обрить наголо, как шлюху, – потом молчание, и он продолжил, выплёвывая из себя слова: – Начать бракоразводный процесс. Лишить титула, всего. Заклеймить лилией. После подписания развода – порка около позорного столба. Публично. Я тоже буду присутствовать.

Он наклонился надо мной и выдавил из себя:

– Я лишу тебя даже имени.

И потом громкие шаги, каждый из которых был молотком, заколачивающим гвозди в мой гроб. В мою жизнь. В моё будущее.

Глава 3

Это Ингер и Теодор. И здесь они счастливы.

А здесь Теодор после того что он увидел

Это Якоб, младший брат Теодора

Глава 4

За королём удалились и придворные. Все. Кроме одного человека. Я слышала, как этот человек отдал приказ находящимся за дверью гвардейцам:

– Никого пока не впускать. Позову.

Я взвыла. Заорала, понимая, что будет дальше. Я знала этот голос. Очень хорошо его знала. Голос Якоба, младшего брата Теодора, моего короля. Этот голос меня преследовал в ночных кошмарах. Из-за него я вскакивала ночью, и Тео гладил меня по голове и целовал успокаивая:

– Тихо, Ингер, тихо. Я с тобой.

Он много раз спрашивал, что же мне снилось.

– Не помню, что-то страшное, – и я засыпала в его объятьях успокаиваясь.

И вот сейчас тот ночной кошмар уже происходил наяву.

Впервые я его услышала в тот вечер в саду, незадолго до того, как я наскочила на Теодора. В тот вечер судьба свела меня и с моей любовью, и с ужасом моей жизни.

Уже стемнело. Где-то зажгли газовые фонари, но они не могли разогнать густую темноту южной ночи. Я гуляла, набираясь смелости, прийти на бал. Ну вот ещё чуть-чуть и потом я приду на бал. Веселье будет уже бушевать, и никто не заметит моего скромного наряда.

– Вау, какая здесь кошечка одна гуляет, – так состоялась моя первая встреча с Якобом. – Ты посмотри, какая милашка. Чья же такая?

– Судя по наряду, из низшего сословия, – сказал кто-то из темноты.

Я было дёрнулась, чтобы уйти, но крепкие руки схватили меня за плечи и притянули к себе. Я в ужасе упёрлась в грудь мужчине лет двадцати пяти. Черноволосому, худощавому, высокому, нависшему надо мной. Его можно было назвать красивым, если бы не рот, презрительно искривлённый, с тонкими губами, которые потянулись ко мне.

Я стала отбиваться как могла, но молча. Мне было стыдно звать на помощь. Хуже положения, чем сейчас, я не могла себе представить.

Дура. Зачем я пошла гулять одна и так далеко? Если я закричу и ко мне прибегут на помощь, меня, конечно, спасут, но я опозорюсь на веки вечные. Пойдут разговоры, на меня будут показывать пальцем и шушукаться. Нас перестанут приглашать. Всё это пронеслось в моей голове молнией.

А меня потащили в кусты.

– Останься здесь, – кинул черноволосый спутнику. – Развлекусь с красоткой.

Я судорожно всхлипнула, отталкивая моего обидчика, но меня повернули и прижали к нему спиной. Одной рукой он грубо залез за декольте.

– О-о-о. Да ладно тебе ломаться, кошечка. От тебя не убудет. Потискаю. На платьишко новое денег отвалю, – и его губы стали целовать мою шею, а вторая рука стала задирать платье.

Я отчаянно вырывалась, отдирая от себя его руки, но что я могла сделать? Я – хрупкая восемнадцатилетняя девушка с руками-тростинками.

У меня изо рта был готов вырваться крик. Отчаянный, который бы погубил мою репутацию. Разрушил бы её напрочь. Опозорил бы меня навечно. Быть застигнутой в таком виде с мужчиной.

Он оторвался от моей шеи и зашипел в затылок:

– Твоё сопротивление меня ещё больше нравится. Люблю диких.

Рука уже залезла под платье. Я изворачивалась всем телом, не в силах изменить ситуацию, и тут мне пришло в голову одно решение – сама не знаю, каким образом.

Я нагнула голову вперёд, а потом с размаху ударила ей назад. Послышался хруст, и дикая боль пронзила мой затылок. Но это был уже пустяк, потому что человек взревел, отпустил меня и схватился за своё лицо:

– Гадина, ты мне нос сломала, – эти слова я уже слышала, убегая в сторону особняка. Туда, где я повстречала Теодора.

И теперь этот человек, тот, что снился мне по ночам в кошмарных снах, сел на кровать и по-хозяйски грубо схватив меня за подбородок, повернул голову к себе.

Я сломала ему тогда нос, и на нём появилась горбинка, которая испортила ему красивое лицо и стала придавать вид хищной птицы. Падальщика.

– Ну, здравствуй, Ингер. Вот и встретились.

Глава 5

На самом деле мы с ним сталкивались постоянно, но делали вид, что той встречи в саду не было.

И сейчас его чёрные глаза, с нависшими от постоянных пьянок веками, мрачно смотрели на меня. Рот скривился в усмешке.

Рука схватила меня за шею и надавила с силой. Я стала задыхаться, в глазах потемнело. Заметив, что у меня глаза стали закатываться, хватку расслабили.

– Что, гадина, ты думала, стала королевой, и я всё забыл? Нет, малышка, – его рука стиснула с новой силой моё горло, – я никогда ничего не забываю и не прощаю. Ты мне задолжала. Сильно. И я всегда добиваюсь своего.

Его рука заскользила вниз, отпустив шею, и остановилась на груди. Я кричала, рыдала, не издавая ни звука, не в силах избежать того, что происходило. Почему я не могу ничего не чувствовать?

Ладонь Якоба сильно сжала грудь, скрутила её. Больно! Как же мне было больно. Его рука поднялась к моему лицу и отёрла кровь незнакомца.

– Несчастный заезжий аристократ! – хихикнул принц, – он просто попал не в то место, не в то время. Мои люди искали кого-нибудь из приезжих помоложе и покрасившее. Вот он и попал под замес.

Пальцы прошлись по моим губам.

– Дурман-трава в напиток, и всё. Вначале крепкий кратковременный сон, а потом человек просыпается и не может двинуться. Вот как и ты, Ингер.

Он нагнулся и укусил меня за губу. И опять я не двинулась, только от боли чуть прикрыла глаза.

Якоб оторвался от моих губ. Я почувствовала, как по моему лицу потекла теперь уже моя кровь, собственная, из укушенной губы.

Мужчина разочарованно облизнул свою губу:

– Нет, неинтересно. Хоть цель достигнута, и королева повержена, но неинтересно.

Он наклонился и прошептал на ухо, захватывая мочку влажными губами:

– Дождусь, когда отойдёшь от дурмана, и мы продолжим.

И в следующий миг прикусил её.

– А это тебе за мой сломанный нос. И да, это только начало того, что тебя ожидает.

Тут в дверь постучали.

– Кто там? – раздражённо повернулся на стук Якоб.

– Ваше Высочество, приказ короля – отвести коро… женщину в темницу.

– Сейчас, – он наклонился надо мной, – вот видишь, Ингер, ты уже стала женщина. А потом знаешь, кем станешь? Моей подстилкой. Я сломаю тебя. Ты будешь ползать передо мной на коленях, целовать руки. Поняла, стерва?

И он встал. Окинул меня долгим, тяжёлым взглядом и зло ухмыльнулся:

– Думаешь, я тебя заверну? Нет. Я понесу тебя как есть. Порадую твой народ таким зрелищем. Пусть смотрят.

Внутри груди рыдания уже кончились. Они иссякли. Там организовалась пустота, которая бывает только в огромных пещерах. Гулкая, пугающая пустота.

Он взял меня на руки и понёс:

– Дверь.

Её послушно распахнули и охнули. Такого не ожидал никто. А я не закрывала глаза. Специально. Моя голова свесилась, и я заглядывала в глаза встречных людей. Многие прятали взгляд, но были те, что сально улыбались. Радовало меня несколько тех, что с ненавистью

зыркнули на Якоба и отвернулись. А один встал на его пути, загораживая дорогу, и, не отрывая мрачного взгляда от глаз Якоба, снял с себя мундир и прикрыл меня.

Его плотно сжатые челюсти, нахмуренные брови говорили, что человек не отступит. Уже в возрасте, с седыми висками, он с такой ненавистью смотрел на Якоба, давая понять, что не даст ему пройти, если он потащит меня голую.

– Герцог, не нарывайтесь. Мой брат благоволит вам, но даже короли смертны.

– Вы мне угрожаете?

– Ну что вы, предупреждаю. А эта тварь, – меня встряхнули, – заслужила своё наказание. Так, внаглую изменить королю, прямо во дворце. Это же как надо быть уверенной в своей безнаказанности? Видите, она даже не оправдывается. А что оправдываться, когда любовника с неё снял сам король.

И Якоб понёс меня дальше, обходя моего защитника.

У герцога болезненная гримаса пробежала по лицу, и он заглянул мне в глаза, казалось, с вопросом. Но я ничего не могла сделать, только смотреть ничего не выражающими глазами.

Принц собственноручно притащил меня до тюрьмы и, войдя в темницу, швырнул меня на деревянный топчан.

– До встречи, уже моя Ингер, – он наклонился надо и прошептал это, практически касаясь губами моих губ.

Грохнула дверь. Послышался лязг закрываемого засова, и я осталась одна, уставившись в грязный высокий потолок сухими глазами.

Глава 6

Сколько я лежала? Долго, судя по теням на потолке. Постепенно моё тело стало отходить. Мурашки появились в кончиках пальцах ног и рук. И я смогла пошевелить ими. Страшная мысль пришла в мою голову, а не повредит ли эта дурман-трава моему ребёнку? Но потом я вспомнила слова моей няни:

– Когда девушка беременна больше месяца – ребёночек уже набрал силы.

Это она мне дала с собой вестника. Я первые месяцы чуть ли не каждый день пальцы себе колола, а потом успокоилась. Вчера вдруг вспомнила о траве. Спасибо тебе, няня. Она учила меня разбираться в травах. Только не научила определять плохие травы, ту же дурман-траву? Может, я бы смогла её почувствовать тогда.

Хотя, вспоминая, я поняла, что да, у молока был чуть горьковатый привкус, но я подумала, что за коровой не уследили и она наелась полыни.

Служанка. Новенькая. Это она подлила настойку в мой стакан. А старая служанка где? Мария. Когда она не появилась, я послала её искать, но она, как исчезла. И колечко у меня пропало.

Я про него даже не сказала никому. Завалилось куда-нибудь. Не верила я, что эта молчаливая послушная девушка способна на воровство. Нет. А теперь на фоне того, что сегодня произошло, в голове тоскливо промелькнула мысль :

–Жива ли она?

А Якоб. Он не забыл тот вечер, оказывается, и выжидал. Я ужаснулась, поняв какую паутину он смог сплести. Паук. Мерзкий паук. И очень опасный.

Почему я не рассказала тогда Теодору о нём? Не хотела такие вещи о брате говорить. Ему было бы горько. Ну вот и получила. Теперь горько мне, даже не так – мне тошно настолько, что если бы ко мне вернулась способность двигаться и говорить, я бы билась головой об стенку, рыдая и крича в голос.

Я смогла судорожно всхлипнуть.

Про Якоба и раньше ходили страшные шепотки. Будучи уже королевой, попросила дать возможность остаться одной и стала свидетелем разговора двух служанок в парке. Сидела на лавочке, а они остановились за кустами, не заметив меня.

Я тогда ужаснулась и не поверила, хотя сама подверглась домогательствам с его стороны. У меня от того, что я услышала, волосы встали дыбом. Там речь шла не просто о приставаниях, там шла речь об издевательствах. Несчастных девушек избивали, насиловали. И это были не только служанки. Среди жертв встречались и аристократки, отправленные по бедности, служить при дворе фрейлинами. По сути своей- в рабство.

Я подумала ещё тогда— слишком ужасно. Нет, такое не может быть на самом деле. Враньё, выдумки, грязные сплетни. Даже Теодору не буду об этом говорить.

Меня затрясло тогда от услышанного. Невозможно? Посмотри на себя сейчас. Я смогла судорожно втянуть в себя воздух, но слёзы клокотали в горле и все никак не могли вырваться наружу.

Я должна объяснить всё случившееся Теодору. Я всё ему расскажу. Да, мне будет стыдно признаваться, что его брат трогал меня, но он услышит и поверит. Он поверит мне. Должен поверить. И я должна заставить себя рассказать. Мне надо будет бороться за себя. За нас. За нашу любовь.

Папа был прав. Надо учиться быть сильной. Он умер через месяц после моей свадьбы. Заболел тяжело, но я успела приехать проститься.

– Цветочек, ты должна научиться выпускать шипы. Иначе ты не выживешь.

А я слушала и думала, зачем мне шипы, теперь у меня есть Тео. Он меня защитит. Но вон как вышло. Как мне теперь доказывать, что всё, что он видел—была ложь?

А ты сама, Ингер? Вот тебя бы так притащили в комнату, где твой любимый валяется в кровати с голой женщиной. Ты бы что? Когда гнев, стыд, боль, ревность навалились на тебя в при виде их, застлали тебе глаза. Чтобы ты сама сделала?

Тело начало меня слушаться, и я смогла с трудом сесть. Мундир герцога упал на каменный пол, но у меня не было сил наклониться и поднять его.

Только я успела коснуться спиной о холодную стену, лязгнул засов. Дверь распахнулась, и вошёл один из тюремщиков. Он нёс в руках комок алого тряпья. Кинул его рядом со мной.

– Одевайтесь. И это. Герцог просил вернуть его мундир.

Потом он обернулся и, убедившись, что никто не наблюдает за ним через дверь, сунул мне в руку смятый листок бумаги.

– Через полчаса придут, – он спрятал глаза, – брить и того. Клеймить, значит. Вон как бывает. Высоко взлетела птица и крылья опалила. Страшно небось вниз падать.

Я смотрела на него не мигая. Говорить я так и не могла. Страшно не падать, страшно, что тот, кого я любила, начал бить меня клювом в слепой ярости. Вот это было больно.

Тюремщик ушёл, я непослушными пальцами развернула листок. Я ещё некоторое время не могла сфокусироваться и сидела, уставившись в расплывающиеся буквы.

Судорожные всхлипы вырывались из моей груди. Рядом со мной валялось алое платье шлюхи.

Глава 7

С детства я не смела надевать даже алое. Табу. Мужчинам было разрешено, но слабый пол ходил в нём только в исключительном случае. Одном-единственном. Алый цвет – это был цвет женщин для утех. Они гордо носили его. Мазали ярко-красным губы. И надевали пышные, с глубоким декольте платья. Женщины презрительно шептали и плевали им вслед, а мужчины провожали жадными взглядами.

И сейчас я должна была надеть этот наряд, и альтернативы у меня не было. Только если голой встретить палача.

Меня обреют и заклеймят. Как мне хотелось ущипнуть себя и понять, что это всего лишь сон. Но увы. То, что со мной творилось, была жуткая действительность.

Внутри поднялось отчаяние, но я задвинула его. Стоп, Ингер.

Плевать, что тебя лишат волос, плевать, что на плече загорится клеймо лилии, это всё ерунда. Главное то, что внутри. Моя душа чиста, и внутри меня живёт ребёнок. Королевских кровей, пока я не подписала развод. Ради него я должна стать сильной.

Приходи в себя, Ингер. Тогда в саду ты выстояла против Якоба. Ты смогла справиться и сейчас сможешь.

Тебе прислали письмо. Прочитай его. Моя грудь вдохнула побольше воздуха.

Я разгладила листок на коленке и трясущимися руками поднесла к глазам.

«Ингер! Это герцог Фоссум. Не верю в то, что произошло. Король очень любит вас, поэтому в бешенстве. Сейчас он никого не слушает, но к завтра он должен отойти. Я буду молить его выслушать вас, перед тем как начнётся весь этот ужас».

Я подняла глаза. Вот он, мой шанс. Завтра я расскажу ему всё. И я готова поклясться своей жизнью, что говорю правду. Даже на королевском артефакте.

Это придало мне сил, и я кое-как встала и стала натягивать платье. Когда-то оно было роскошным, но сейчас было в дырах. А куда прошлая владелица делась?

Даже не хочу думать!

Судя по тому, что принесли его мне, умерла. Не думать.

Непослушными пальцами затянула шнуровку. Попробовала встать и пройтись по моей темнице, но чуть не рухнула, и голос никак не возвращался.

Этому обстоятельству я только порадовалась. Потом. Через десять минут, когда в мою камеру зашли два человека, меня грубо схватили за плечо и буквально толкнули на скрипучую табуретку, которую притащили с собой.

Один кромсал огромными ножницами мои светлые волосы, и они золотым дождём разлетались на каменном холодном полу. А второй принёс с собой маленькую печурку, поставил на пол и вложил в неё обогревательный камень. Когда белое пламя набрало силы, он положил в него железный прут с печатью лилии на конце.

Тот, кто стриг, перешёл к бритве. Никто не старался делать это осторожно, и я чувствовала, вздрагивая, как по моей голой голове начала сочиться из порезов кровь.

А потом один подошёл спереди и крепко схватил меня. Его пальцы клещами сдавили мои плечи. Второй надел плотную перчатку и вытащил раскалённый прут из белого пламени. Я сжалась в тугой комок, и в следующую минуту клеймо обожгло меня чуть выше лопатки. Боль скрутила меня. Я выгнулась, но из открытого рта не вырвалось и звука.

В глазах всё поплыло.

– Ты глянь, даже не пикнула, – уважительно посмотрел на меня один и уже вежливо помог мне пересесть на лавку.

А я могла только судорожно дышать.

Слёзы появились у меня только через час после их ухода, тогда же я наконец-то смогла сказать первые слова:

– Тео, пожалуйста. Тео, ты должен мне поверить.

В голове проматывались события этого долгого дня.Снова и снова. Перед глазами стояло искажённое от ярости лицо Теодора. Один раз он сказал мне:

–Ингер, я могу простить всё кроме предательства. Слабость, трусость, но не измену. Я ненавидел своего отца. Знаешь почему? Потому что он предал нашу с Магнусом мать и завёл себе фаворитку. Открыто, прилюдно. Она присутствовала с ними на балах и приёмах. И мать не выдержала. Заболела и слегла. После её смерти он женился на своей любовнице. И она родила ему сына. Нашего третьего брата. мне тогда было десять лет. Женщина умерла при родах. И к брату я стал хорошо относиться, но отца я так и не простил.

Уже наступила ночь, и через зарешеченное окно ко мне заглянула луна, но сна не было ни в одном глазу.

И тут в коридоре раздался шум и крики, лязг мечей.

Я в тревоге вслушивалась. Дверь распахнулась, и ко мне в темницу вбежали несколько человек в масках.

Я испугалась:

– Кто вы?

Глава 8

Первая мысль у меня в голове, что меня пришли убивать, и я в ужасе втиснулась в стенку, прямо больным местом. Клеймо вспыхнуло новой болью, но страх был сильнее.

– Мы пришли тебя спасать, королева, – хмыкнул вбежавший.

– Что? Не надо меня спасать! Мне очень надо завтра встретиться с королём.

Потом я осеклась, поняв, что меня насторожило в его фразе. Эта самая ухмылка и то, что он назвал меня на «ты». В ужасе всмотрелась в вошедших. Нет. Это пришли не спасатели.

– Пожалуйста, оставьте меня здесь. Мне завтра очень надо поговорить с королём.

– Да кто же тебе даст-то, – захохотал один из вбежавших и достал из кармана грязный платок.

– Не держи нашего принца за дурака. Короля несёт в разные стороны. Совсем на тебе повернулся. Он и сейчас готов был сюда бежать, но принц с ним и удерживает. Вот, что ни говори, а наш хозяин очень умный – всё предусмотрел. Так и сказал, что Теодора должно вначале сильно заклинить, а потом он пожалеет о том, что сделал. Поэтому наш сидит с ним и накачивает его пойлом, а нас отправил подкинуть дровишек в огонь.

– Что сделать? – только и успела спросить я, прежде чем мне крепко завязали рот тугой повязкой из платка, и, схватив за руки, больно дёрнули их вперёд и стали накручивать верёвку.

– Изобразить, что тебя любовники спасли. И это будет последним гвоздём в твою корону, красотка.

Он окинул меня сальным взглядом.

– Знаешь, даже бритая голова тебя не портит. Понимаю Якоба, сам бы с тобой развлёкся. Но, думаю, всё впереди у меня. Когда наиграется, он отдаст тебя своему верному помощнику. А может, даже помощникам, – он заржал и посмотрел на своих спутников. Те закивали головами.

– Как тебе, кстати, твой псевдолюбовник? Ничего такой? Я, когда его в таверне увидел, сразу понял – вот он, достойный любовник королевы.

У меня слёзы брызнули из глаз. Это он же про того мужчину говорит, которого Якоб зарезал.

– Ну что ты сразу плакать? Не плачь, как там тебя сейчас. Не знаю, кто ты теперь. Всё, девочка, ты теперь никто. Точнее, после этого побега станешь никем. Зуб даю.

Потом повернулся к одному из своих.

– Плащ снимай, надо её закутать, чтоб заключённые через решётки не увидели её связанные руки и лицо. Это наши главные свидетели теперь будут.

Он схватил меня за предплечье и дёрнул на себя, заставляя встать. Схватил протянутый помощником плащ и только хотел меня закутать, как я резко поднырнула под его руки и рванула к выходу, но, видимо, кто-то из людей Якоба наступил мне на подол, и я от рывка назад споткнулась и полетела через порог. Прямо перед дверью моей камеры в луже крови валялся тот самый охранник, принёсший мне письмо от герцога.

Он приоткрыл глаза, глянул на мой завязанный рот и опять потерял сознание. У меня был только миг, прежде чем меня вздёрнули и затащили обратно.

Но, видимо, пора нежного котёнка для меня заканчивалась, иначе как бы я объяснила тот факт, что вместо того, чтобы грустно плакать, я попробовала убежать. А ещё, когда я упала на охранника и увидела кровь, вытекающую из раны, я не только ужаснулась и пожалела его. Нет. Я нащупала у него на поясе нож в ножнах и успела его выхватить и потом спрятать в складках юбки.

Мне с силой дали пощёчину. Ещё одну за сегодняшние сутки. Но эта уже не так резала мне сердце, как та.

– Тварь, чуть весь план не погубила.

Потом повернул голову к помощникам:

– Остолопы. Как вы её выпустили? Успел её кто заметить из-за решёток?

– Не должны были. Там этот закуток не просматривается.

– Считай, повезло всем, а то бы принц нам показал.

– А ты, гадина, – меня схватили за подбородок, – ещё что-нибудь такое отчудишь, пожалеешь сильно. Всё принцу расскажу. Думаешь, избежала порки у позорного столба? Ошибаешься, милашка. Плеть теперь станет твоей лучшей подружкой.

Меня грубо закрутили в плащ и натянули низко-низко капюшон, крепко обняли одной рукой за плечи и потащили.

– Моя королева, – гремел пафосный голос моего похитителя, – я так люблю тебя и спасу от этой участи. Наконец-то мы будем спокойно вместе.

Я задрала высоко голову и в щёлку успела увидеть любопытное лицо за зарешеченным окошком. А вот и зрители, которые расскажут, что королева сбежала с любовником. И у меня в горле опять встал комок, и даже виски схватило от боли. Теодор! Теперь он точно уверится в моём предательстве.

Меня тащили вперёд по залитому кровью охраны полу. А вот и они валялись здесь же. Нападение было неожиданным, и, судя по голосам и ногам, увиденным мной из-под капюшона, людей Якоба было больше десятка.

Меня закинули внутрь крытой повозки и стали закрывать полог.

– Крепи полотнище наглухо, чтоб не вылезла.

– Так посади с ней кого.

– Нельзя. Сейчас по окраинам поедем, а там сам знаешь, какой там люд живёт зубастый. Снаружи все люди нужны. Ткань здесь дубовая, голыми руками не порвать. Никуда девка не денется. Тем более фиалка королевская. Подвид нежная. Скорее уж лилия, судя по её плечику.

– А чего нас через окраины несёт?

– Ты дурак совсем? А если на отряд королевской стражи нарвёмся и они в повозку заглянуть захотят?

– Тоже верно.

Повозка дёрнулась и двинулась в путь.

Глава 9

Я села и, уперевшись спиной в боковое полотнище, согнула ноги. Задрала юбку и коленями зажала ручку ножа. Аккуратно стала пилить верёвку, постоянно прислушиваясь. Пару раз повозка дёрнулась. Руки соскальзывали, и нож больно резал запястья.

Со стороны улицы до меня доносились цоканье копыт, стук колёс моей повозки и редкие пьяные возгласы. Получается, мы ехали по безлюдным улицам.

Когда, наконец, верёвка на руках ослабла и слетела, я выдохнула. Развязала платок, стягивающий мне рот, и перевязала им порезанную руку.

Так, теперь надо бежать. Но есть одно но. Мои ноги. В тюрьме кинули одно платье. Да, королева-босоножка. Потом горько усмехнулась. Какая королева? Всё, забудь, Ингер. И не Ингер. Я теперь никто. После моего похищения из тюрьмы теперь бесполезно что-то рассказывать – не поверят.

Ладно, об этом я потом подумаю – сейчас побег.

Сначала я хотела сразу резануть ткань, потом опомнилась. Нет, что ты делаешь? Прошло время, когда тебе не надо было тщательно продумывать свои шаги. Ты всегда себя чувствовала как домашняя кошечка, но сейчас тебя вышвырнули из дома за шкирку.

Я остановила себя этими словами в последний момент и замерла, слушая. Опасность и ситуация, в которую я попала, обострила мои чувства. И полная темнота в повозке заставила мой слух работать на полную. Так. Что я слышу? Топот копыт. Где? Подползла к задней стенке и приложила ухо. Здесь. Сделала ножом аккуратную дырочку сбоку и глянула.

Вот же дура, чуть не потеряла свой шанс на побег. Сзади верхом двигалось несколько фигур в тёмных плащах.

И что теперь делать? Стоит мне сделать разрез и вылезти – я сразу попаду в их руки. Прикусила губу и взвыла от боли. Я забыла об укусе Якоба. Вспомнила опять ту сцену, и меня затрясло от отвращения. Как мне хотелось смыть с себя прикосновение этих потных рук. От его взглядов, от его губ, дотрагивающихся до моего лица.

Так. Всё. Не до этого. Я потом дам тебе шанс всё обдумать, а сейчас замри и слушай. Села на колени и чуть наклонила голову, даже глаза закрыла.

Все мысли вон. Нож плотно зажат в руке и послушно ждёт команды вспороть полотнище. А потом ты должна быть готова бежать своими ножками босиком и не обращать внимания на боль.

В голове промелькнула мысль:

– Может, стоит ещё одну дырку сделать? В правом боковом полотнище? Да. Сейчас я успела заметить, что повозка по привычке, хоть и ехала одна, держалась не в центре, а забирала правее. И бежать тогда надо именно с этой стороны. Если сзади всадники отвлекутся и мне удастся сбежать, дырку не сразу заметят.

Небо услышало мои мольбы о чуде, и повозка резко остановилась. Я напряглась, и даже дыхание у меня прервалось. Я вся превратилась в слух, боясь пропустить даже шёпот.

– Что надо, босяки? Прочь с дороги.

– Не можем, господа хорошие. Здесь проезд платный. Гоните монету, или ножичками вас пощекочем.

– Уходите, говорим вам по-хорошему.

– А не то что?

– Вы на нашей территории. И что вы там интересное в повозочке везёте? Что-то дорогое, наверное, если столько вас здесь собралось.

– Ещё раз повторяем – пошли вон.

В ответ раздался громкий издевательский смех из десятка глоток.

Я бросилась назад и посмотрела в дырку. С десяток пеших фигур подобрались и сзади. Верховые развернулись к ним, вытаскивая мечи.

Вот он, мой шанс. Я подползла к боковушке и резанула полотнище. Хвала небесам, оно поддалось. Сделала разрез и внизу. Отогнула угол.

Да, мне повезло. В метре от меня стоял полуразрушенный дом. Даже не дом – одни стены с чёрными проёмами окон и двери. Причём с дверью, висевшей на одной петле и покачивающейся от скрипа.

Мне туда. Только момента надо дождаться. У меня будет только несколько секунд. Я подтянула юбку к самому поясу и приготовилась спустить ноги в заготовленную дыру мгновенно, как пойму, что смогу сбежать.

Нож? Куда нож? Он мне будет мешать. В рот. Зажму лезвие зубами.

Я понимала, что у меня будет совсем мало времени. Местные обитатели не знали, на кого напали. Эти ребята тюрьму взяли с охранниками почти без боя. А с местными бандитами расправиться у них займёт несколько минут.

Я сжалась как рессорная пружина, в следующую секунду готовая выбросить ноги в дыру. Ждём. Ждём. И тут послышался лязг оружия и крики. Пора.

Бросок, и я ударяюсь голыми пятками об острые камешки. Ерунда. Переживу. В следующую секунду я, как тень, скользнула в проём и, сделав шаг в сторону, прижимаюсь к стене спиной.

Всё. Теперь не двигаемся. Замри, умри, застынь и глаза зажмурь, может, поможет. Зубы застучали о лезвие ножа, и я испуганно крепко сжала челюсти. Ладони вжаты в каменную стену.

Меня трясло от напряжения. Если они прямо сейчас поймут, что я сбежала, буду отбиваться до последнего, а потом… Я знала одно. В замок к Якобу я не попаду, чего бы мне это ни стоило. Моё сердце стучало так оглушительно, и я испугалась, что оно выдаст и меня услышат.

Да, как я и предсказывала, схватка заняла от силы минуты две.

– Придурки нищебродные, – выругался кто-то из моих похитителей. – Достали меня чуток.

– Не говори. Идиоты непуганые. Лежат теперь, глотками булькают. Говорили же им по-хорошему пропустить.

– Всё, трогаемся. И так задержались с ними.

Повозка и верховые проехали мимо моего проёма, и скоро топот копыт и стук колёс стих вдалеке. А я сползла прямо на кучу щебня. Нож вылетел из моего резко ослабшего рта, и я шумно вздохнула.

Глава 10

Из меня как будто воздух выпустили, и я закрыла руками лицо. Плотно-плотно. Только слёз больше не было. Они вылились из моих глаз ещё там, в тюрьме.

Когда всё это со мной случилось, вначале я чувствовала ужас, потом он сменился на боль. Внутреннюю и внешнюю, а сейчас на меня начал накатывать страх. За себя, за ребёнка. За наше будущее. И пока он не поглотил меня полностью, я заставила себя встать и опять отсечь все мысли.

Меня могут хватиться в любую минуту, и люди Якоба отнюдь не дураки, они сразу поймут, когда я сбежала, и вернутся. Поэтому уходи, лишённая имени. Беги, забейся в норку. Рука сама собой подхватила нож, и я стала искать второй выход из приютивших меня развалин. На улицу я не хотела выходить, там слышались ругательства и стоны. Кто-то из напавших остался в живых, и попадать в их руки мне совсем не хотелось. Они наверняка были злы и решат отыграться на первом встречном.

Вот здесь стена разломилась, и я могу пролезть. Ноги кололо и резало, но я абстрагировалась от этой боли. Пусть она, чем другая, огнём жгущая меня в груди.

Осторожно перешагнула и огляделась, узкий переулочек уводил в две стороны, пошла направо. Всё равно куда, лишь бы подальше. Когда замечала впереди тени – пряталась. Выжидала и дальше шла.

Здесь были уже жилые хибары с завешенными или забитыми окнами. Вздрагивая от любого шороха, я кралась вперёд. Из-под ног разбегались крысы. Подошвы уже давно кровоточили, изрезанные и избитые, но я старалась не думать о том, что могу занести заразу. Потом найду травку живицу и наложу. Всё вытянет и заживит, главное, чтоб ране не больше часов десяти будет. Няня говорила:

– Вечером порезался, утром сразу нанеси, но не позже, иначе внутрь заражение пойдёт.

Вот и пригодится, нянюшка, твоя наука. А то так, от скуки занималась, если только. Так, я уже всё. Надо срочно искать место укрыться, иначе рухну прямо здесь. Напряжение стало отпускать, и ноги стали подкашиваться.

Моё внимание привлёк скрип слева. Резко повернула голову, вглядываясь в темноту. Что-то типа маленького перекошенного домика. Сарай? Дверь в него покачивалась на ветру.

Не могу больше идти. Мне бы до утра там отсидеться. Оглянулась настороженно и, пригибаясь, залезла внутрь. Что это здесь? Куча какая-то?

Потрогала рукой. Мягкое. Тряпьё. Подняла на ощупь первое попавшееся. Это нечто было настолько ветхое, что, казалось, от прикосновений начало расползаться в руках. Какая разница. Главное, в это можно было закопаться и прикрыться от ночной прохлады.

Я присела, соорудила себе норку, залезла туда, закидала себя тряпьём, откинулась на стенку сарая головой и, наконец, выдохнула.

По мне поползли какие-то насекомые – я содрогнулась, но не сдвинулась с места. Горько хмыкнула про себя: «Как хорошо, что я лысая, никто не заведётся».

А теперь уже, можно подумать, обо всей этой ситуации, в которую я попала. И какая она? С одной стороны, безумно сложная. С другой – простая. Из королевы – на самое дно. И я теперь девушка без имени? Кстати, представляться как-нибудь надо будет, той же страже королевской, о которой так называемые спасители говорили. «Гер». Оставлю себе осколок прошлого. А теперь думай, что делать дальше. Рыцаря, чтобы спасти тебя, не будет. Никого теперь не будет.

Я сухими глазами смотрела на дырку в крыше. Прямо через неё ко мне заглядывала одинокая звезда и подмигивала мне. Только не дружески, а зловеще.

Ну и что теперь? Я покачала головой грустно. Всё теперь настолько плохо, что я даже представить себе этого не могу.

Если часа три назад я рвалась встретиться с Теодором, то сейчас я понимала, что этого лучше мне вообще не делать. Мои похитители были правы, они вбили огромный ржавый гвоздь в моё будущее. Сейчас все оставшиеся в живых будут наперебой рассказывать, как меня спасал очередной любовник, а те, кто умер, как тот охранник, замолкли навечно.

Кто я после этого побега? Тварь развратная под маской милой девушки. И знали меня всего ничего – полгода. И непонятно, откуда привёз. А Якоб всё предусмотрел. Надо же. Я ужаснулась. Под личиной весельчака скрывался хитрый и жёсткий интриган.

Король, отец братьев, очень благоволил к нему, даже несмотря на то, что он не был первенцем и ему не светило надеть корону. Он одарил его деньгами и землями, держал постоянно около себя. Это Магнус с Теодором носились то по границам, то в Пустынные земли.

Когда старый король умер и к власти пришёл Магнус, над головой Якоба стали собираться тучи, но потом эта совершенно нелепая смерть старшего брата в горах на королевской охоте.

А сейчас младший принц практически оставался править, когда мой муж уехал. Теодор доверял младшему брату, хотя, казалось, должен был не любить. Мне кажется, будь у моего мужа больше времени – он бы разобрался в его характере, но всё произошло так стремительно. Смерть Магнуса. Наша коронация и опять нападения. Вся армия была на Тео, и он просто не успел подготовить себе замену, поэтому уехал почти сразу после того, как стал королём.

Я прикрыла глаза, и у меня вытекла одна-единственная слеза. Поминальная. По той моей счастливой жизни. Мне сейчас никому нельзя показываться на глаза. Ни Тео, ни герцогу – мне уже никто не поверит. И не к кому пойти. К своим нельзя, потому что всё свидетельствует против меня, а к чужим, потому что на предплечье горит знак врага короны. Лилия. Так клеймили предателей или совершивших преступление против самого короля. И я попала в их число.

У Теодора глаза были безумные, когда он ворвался тогда в спальню. Видимо, слишком его успел накрутить братец. Сколько времени прошло с момента их появления в той комнате? Минуту, нет, наверное, две. Столько ненависти и презрения было в его взгляде. Я видела, что он даже смотреть на меня не хотел. Я со свистом втянула воздух в себя. Не удивлюсь, если и свидетелей перед этим Тео представили. Кого? Да служанку ту же новую.

Как же Якоб всё разыграл, прямо по нотам. Я не злилась, я была растеряна. Тот вечер в саду, оказывается, был неслучайностью под влиянием спиртного, нет. И подслушанный разговор служанок. Почему я не рассказала все? Это было его истинным лицом. И теперь мне что? Идти к Теодору и показывать пальцем на брата? К позорному столбу только, если захотела встать.

Злой судорожный смех вырвался из моей груди.

Ты попала, Инг… Гер. Ты попала. И что теперь? Друзья твои все остались там, где жили вы с отцом. А здесь? Была лишь Мария, личная служанка. Она переехала со мной после свадьбы. Девушка с юности у нас прислуживала. Сиротой была. Не очень красивая внешне, поэтому замуж не могла выйти.

Не могу сказать, что мы были очень близки, но на неё я могла положиться. А сейчас? Скоро я захочу есть, плюс одежда шлюхи сделает меня беззащитной для мужчин. И голову тогда чем-то надо закрыть. Голову бреют тем, кого заметили в разврате, и я, блестя ей, сигнализировала о своей доступности не хуже алого наряда.

Стоп. У меня нет серёжек, я снимаю их перед сном. Но кольцо. Обручальное кольцо. Оно же на пальце. Его никто у меня не отобрал. Мне надо его продать, и у меня будут деньги. Для меня и моего малыша. А потом будет видно. Я чуть-чуть посплю и подумаю об этом.

Сон восстановил меня. Сквозь крышу пробивались лучи солнца. Сколько уже? Не знаю. Но подниматься надо.

Сейчас я уже могла хоть как-то мыслить. Оглядела ступни. Нет, так дело не пойдёт. Оторвала от своего платья длинные полосы и обвязала ими ноги. На первое время хватит. Потом что-нибудь придумаю. Дальше что?

Стала рассматривать, выбирая из кучи каждую вещь. Нашла какую-то дырявую кофту. Сойдёт. Надела её. Она спрятала спину с клеймом – хоть это хорошо.

Кольцом нельзя светить. Стянула его с пальца и завязала в кончик кофты. Голову бы прикрыть чем-нибудь. Долго ковырялась, пока не нашла старое платье. Также оторвала от него лоскут и спрятала с помощью него своё отсутствие волос. Ну, теперь пора выходить. Страшно. Очень страшно. Хочется остаться здесь и не вылезать. И если бы я была одна, наверное, так и сделала. Пострадала. Но сейчас во мне росла ещё маленькая жизнь, и за неё я буду биться до последнего.

Аккуратно припрятала нож внутри кофты. Держится? Да. Пора, Гер.

Вначале глянула в щели. По улице начали проходить люди. Старики, дети, женщины. Некоторые в алых платьях. Но мужчин было мало. Конечно, утро ведь. А здесь люди, которые работают по ночам.

Я выдохнула и выскользнула из своего убежища.

Глава 11

В таких кварталах я не бывала никогда в жизни. Старалась идти, не разглядывая никого и ничего, словно я живу здесь постоянно, хотя даже дышала через раз и нож стискивала через кофту. Не знаю, что мне хотелось больше, сесть на землю и разрыдаться или вытащить своё оружие и идти размахивая им, трясясь от ужаса.

И мне даже казалось, что у меня получается вести себя как местная старожилка, пока сидящая на крыльце старуха в обносках не окликнула меня:

– Эй, новенькая.

Я вздрогнула, но так как никого в этот момент рядом не было, поняла, что обращаются именно ко мне. Я развернулась к ней всем телом. Старуха весело засмеялась своим беззубым ртом.

Проглотив комок в горле, поздоровалась тихо:

–Здравствуйте, бабушка.

Улыбка махом слетела с ее морщинистого лица. Она с жалостью оглядела меня и покачала головой:

– Сама опростоволосилась и любовника завела, али муж прогнал?

Я выдавила из себя:

– Муж.

И такая обида вдруг захлестнула меня. До этого момента, я всё оправдывала Теодора. Ну да вон в каком виде при нём предстала, и брат на уши напел. А тут как покрывало сдёрнули с глаз моих. Меня прогнали. Поверили в наглую ложь и даже не проверили.

А ведь я никогда повода не давала. А меня… Заклеймили, обрили, в алое нарядили, это я про порку около столба не говорю. Хотя этого как раз бы и не случилось . Якоб бы не допустил моей встречи с мужем.

Все эти мысли пронеслись в моей обритой голове. В глазах налились злые слёзы. А рот начал кривиться сам собой.

Видимо, на моём лице проявились все, о чём я думала, потому что старуха понимающе покачала головой:

– Бывает. А у нас такие в основном все.Кто-то, конечно, сам вляпался по бестолковости, но, как правило, все мы здесь ненужные, выброшенные. Отцами, мужьями, мачехами. А кого жизнь лишила всего. Выживаем как можем. Ты, смотрю, чистенькая ещё, вежливая, но это скоро пройдёт.

Сдачу учись давать, иначе заклюют. У нас слабых не любят. Я тебя, как увидела – себя вспомнила. Такая же шла растерянная, когда муж из дома выгнал. Ещё и голову обрил – сказал с конюхом меня застал, а тот сволочь и подтвердил. А для чего? Молодуху в дом привёл. Да и деток у нас не было. Вот как бывает.

Старуха потрясла своей растрёпанной седой головой.

– И как вы выжили?– я посмотрела на неё с состраданием.

– Да как? Где овощи перебирала за грошики, потом, когда совсем состарилась милостыньку стала просить. – она горько усмехнулась – одни раз даже муж бывший подал. А я тогда взяла эту мелочь, встала и в лицо ему бросила. Пусть подавится ей.

Хорошо, что здесь можно, где хочешь жить. В нашей Яме часто дома пустовать начинают, особенно после зим коротких, но холодных, да и после облав.

– Облав?

– Да, девонька. Ты же про Пустынные Земли слышала?

– Да – я удивилась,– а при чём тут они?

– Там на них, кроме гарнизонов шахт много. Камушки белые там добывают, те, что маги заряжают разной магией. Какой охлаждает, какой греет, какой, что другое делает. И везде мужики требуются и от тварей пустынных отбиваться и киркой махать. И платят им ничего так, за камешки эти. А мужикам кто нужен?

– Кто?– непонимающе уставилась я на мою просветительницу.

– Бабы им нужны. Ох и наплачешься ты здесь. Ты как с неба к нам свалилась, вообще ничего не смыслишь.

Я промолчала.

– А кто из женщин добровольно в те места поедет? Сумасшедших нет, хотя дур хватает. Так устраивают раз в месяц облавы на алых. Собирают всех, кто не по борделям работает и в клетку. И туда отвозят. Их там покупают.

Я помертвела:

– Да как же так? Они же свободные. Как можно?

– Как нужно, так и можно – беззлобно огрызнулась на это старуха.– мы их купцами кличем. Со своими молодчиками прибывают и давай девок, что покрасивее вытаскивать.

– Подождите, а стража? А король?

– Где этот король?—хохотнула старуха.– При старом всё это и началось. Типа и город чище, и мужики там камешки лучше добывают. Прошлый то вроде пока правил начал с этим разбираться, так помер. А нового толком никто и не видел. Всё по границам бегает, с врагами сражается. Хотя, конечно, и это надо. Только внешнего отражает, а мы тут вот так живём. Поэтому, когда облава начнется, хоронись, где придётся, не то продадут потом там.

Я поёжилась. Ну надо же. Старуха, увидев мою реакцию, похихикала, да не боись пока. Неделю назад уже девок выгребли, до кого дотянулись. Сейчас нескоро. Пообвыкнешься. Ты как жить намереваешься? В борделю устроишься или работать пробовать устраиваться? Но ты сразу учти лысой куда поприличней не возьмут.

Я задумалась. А в самом деле мне же надо чем-нибудь заниматься. А что я умею? Вышивать или грамоте обучать. Но вряд ли это кому-нибудь понадобится. А если по травам?

– Скажите, уважаемая, я в травах разбираюсь. Может здесь моё умение понадобиться?

Старуха задумалась:

– Если не врёшь, то может быть. Богато жить не будешь, но на хлеб хватит. Только вначале репутацию надо наработать. Вначале бесплатно лечишь, а в следующий раз монетку просишь.

В животе заурчало. Надо искать лавку, где кольцо продать можно. Еды купить и здесь поселиться где-нибудь.

– Спасибо большое. Я сейчас ещё схожу по делам, потом можно к вам вернуться, и вы покажете какой дом занять можно будет?

– Да что ж нет. Особенно если монетку старухе подкинешь.

Я кивнула и пошла дальше. Видимо, я двигалась к более богатым кварталам, если так можно было назвать высшую степень нищеты, потому что облупленные дома были уже с не выбитыми стёклами, а с целыми. И на них висели красные фонари.

Но рядом с этими домами никого не было. Закрыто. У них другой график работы, в отличие от обыкновенных лавок.

Скорее всего, они закончатся и уже начнутся более приличные кварталы, а там точно есть скупщики. Здесь сомневаюсь, что такие имеются. Небезопасно это для них.

Какая-то девушка, тоже лысая вышла на крыльцо с ведром. Нагнулась над ним и стала отжимать тряпку. Выжала, разложила перед входом. Взяла ведро и только собралась выплеснуть на улицу, как наши глаза встретились. Ведро с грохотом упало вниз, расплёскивая из себя грязную жижу. Передо мной стояла моя служанка Мария.

Глава 12

Я смотрела на неё, не в силах поверить. Да, это была она, но тусклый взгляд, горестная складка около рта, поникшие плечи. Казалось, она постарела за эти несколько дней на десять лет.

А она в ужасе смотрела на меня, как на привидение, оглядывала моё платье, рваную кофту, обвязанную тряпкой голову. Взгляд метнулся вниз, и она, видимо, увидев мои ноги, обмотанные тканью, ахнула.

Мои губы задрожали, плечи вздрогнули, дескать: «да, Мария, вот так бывает». Я зябко обхватила себя руками сгорбившись. Мне вдруг резко стало холодно, хотя на улице было ещё тепло. Я смеялась раньше, говоря, что в этой местности было всегда полтора времени года, лето и зима. Долгое лето и три месяца лютой зимы. И сейчас будто на меня повеяло ледяной стужей.

А Мария всё ещё не могла прийти в себя, она медленно прошлёпала по грязной луже и, спустившись по ступеням, подошла ко мне.

– Здравствуй, Мария. Да, это я.

У неё раскрылся рот, и она прикрыла его рукой, качая головой.

– Но как, Ваше…

– Нет, Мария, не называй меня так. Меня теперь зовут Гер, – сказала я еле слышно.

Девушка сощурилась, она о чём-то задумалась, потом порывисто схватила меня за руку:

– Пойдёмте со мной. Сейчас все спят. Мы сможем поговорить в моей комнате.

Мне ничего не оставалось, как довериться моей служанке. Бывшей служанке. Мы вошли в большое помещение со столами и перевёрнутыми на них стульями, поднялись по крутой лестнице на второй этаж. Там был длинный коридор с большим количеством комнат.

Мария отвела меня в самую дальнюю, крохотную каморку с маленьким окном. Там стояла узкая кровать, стул и шкафчик.

Мария усадила меня на стул, села на кровать.

– Ваше Величество, что с вами произошло?

– Сначала ты, Мария, потому как мне кажется— что случилось со мной, очень связано с тобой.

– А меня обвинили в воровстве и прелюбодеянии, – голос девушки дрогнул. – Сначала какие-то люди ворвались ко мне в комнату ночью, выволокли из кровати. Потом достали из шкафа якобы украденное кольцо и начали тыкать им мне в лицо. А я же ни разу никогда ничего не брала. Попробовала попросить дать с вами поговорить, но эти сказали, что они выполняют ваш приказ найти пропажу.

Я медленно качала головой.

– Сказали, что это я, наверное, для своего любовника украла. И если я сознаюсь, меня не казнят как воровку, а отправят в публичный дом, где мне и место. Сказали одеться и тихонько выйти, иначе хуже будет. Потом притащили меня сюда.

– А волосы зачем обрили? – с жалостью спросила я.

– А это чтобы я во дворец не совалась больше. В таком виде меня никуда не пустят.

Хозяин сказал, пусть отрастёт чуть, а то парик слезать будет с лысой головы, и потом меня к девочкам работать отправит, а пока я служанка здесь.

Я удивлённо посмотрела на девушку:

– Мария, а почему ты не сбежала? Не ушла? Я так поняла, что тебя никто не держит здесь?

Она вскинула на меня глаза:

– А куда мне уходить? Я – сирота. У меня и были всегда только вы. Да я как-то привыкла всегда всех слушаться. Здесь вон тоже неплохо. Я за эти два дня присмотрелась. Бить девушек

не разрешают. Защищает хозяин, а одной в этом квартале страшноватенько. В эту Яму если попал – тяжело выбираться. Это девочки рассказали. Да и, может, позволят мне в служанках остаться.

Я смотрела на девушку и понимала, что она просто плывёт по течению, куда судьба вынесет. И не осуждала ни в коей мере. Она была права: когда у тебя выработался именно послушный ход мышления, шаг влево, шаг вправо вызывает у тебя ужас.

– А у меня после того, как ты пропала, появилась новая служанка. Да, именно пропала, Мария. Единственное, о чём я просила, – найти тебя, и беспокоилась. Ещё думала попросить мужа по возвращении дать приказ охране. Ты же знаешь, что я ещё не научилась приказывать людям.

Девушка грустно кивнула.

– А новая служанка, – я сжала губы, и они тут же резанули болью в укусе, – добавила мне дурман-травы в вечернее молоко, меня парализовало, и меня подложили в постель с таким же несчастным. После этого продемонстрировали моему мужу.

– А король? – Мария с ужасом смотрела на меня.

– А король, – я сощурилась, смотря в сторону, – он поверил. Приказал меня заклеймить, обрить, начать бракоразводный процесс и выпороть у позорного столба.

Мария ахнула.

– А в тюрьме меня обрядили вот в такую красоту, – и я показала на своё платье.

– А как? Как вы здесь-то очутились?

Я поднялась и, сделав несколько шагов туда-обратно, остановилась перед девушкой:

– Как здесь, говоришь? Давай я тебе задам встречный вопрос. Что ты слышала о принце Якобе?

Девушка даже отшатнулась.

– А этот изверг здесь каким боком?

– А вот таким. Он всё это придумал и воплотил. Из тюрьмы меня похитили якобы любовники, а на самом деле его люди, и везли к нему в замок, – меня передёрнуло. – Так что ты о нём слышала?

– Жуть я о нём слышала, – буркнула Мария, – и что король предыдущий, отец который, на мерзости его глаза закрывал. А кто смел пикнуть – кнутами забивали, поэтому все и молчали. Попритих он, когда старший брат их на трон взошёл. А потом слышала, что пока ваш на границе с войсками был, опять начал мерзотничать.

Я кивнула.

– Когда меня везли к нему, у меня получилось сбежать, и вот я здесь, Мария.

– И что нам делать теперь?

– Думать, как жить дальше. Что ещё? У меня нет выбора. Слёзы жалости к себе я уже в тюрьме вылила. Ты спросишь меня, что я буду делать? Есть у меня идея. Помнишь, я всегда любила с растениями возиться, и дома, и во дворце в библиотеке пропадала. Трактаты лекарей изучала.

– Да, – глаза Марии засверкали, – точно, вы ещё дома всегда мази делали, настойки притирательные. Прямо волшебные. Мне тогда от прыщей так помогли. У вас же в роду кто-то магом-лекарем был.

Я грустно покачала головой.

– Вот именно, что в роду. Мне эта сила если и передалась, то капелькой незаметной. Но в травах няня моя научила разбираться. Ну ты её должна помнить.

Мария кивнула.

– Ну вот, видимо, и пригодится мне эта наука. Я здесь уже с женщиной познакомилась. Седая такая, без зубов, в возрасте. Она сказала, что такое умение мне поможет выжить и в этом месте. И она покажет, какое помещение можно занять.

– Ох, ваше…

Я покачала головой.

– Забудь. Есть Гер, травница Гер. И на «ты».

Мария кивнула:

– Хорошо, Гер. Какая вы, ты молодец. Я не знаю, чтобы со мной после такого бы было. А ты вон и сбежала, и здесь думать начала, как обустраиваться.

Я ничего не ответила, горько улыбнувшись. Честно, я сама себе удивлялась. Правда, второй раз в жизни. Первый раз, когда Якобу нос сломала. Меня жизнь, даже несмотря на то, что я в небогатой семье воспитывалась, не обижала. Как тепличный цветочек росла. Скажи мне, что вот так из дворца в Яму попаду и не умру сразу от горя – не поверила бы. А тут планы даже строю.

– Мария, первое, что мне нужно сделать, – продать своё обручальное кольцо.

Девушка ахнула и прижала руки ко рту:

– Но как же? Это символ вашей с королём любви.

Я с силой втянула носом воздух и стиснула челюсти. Опять захотелось разрыдаться.

– Значит так, Мария. Сейчас я тебе скажу, и больше к этой теме мы не возвращаемся, потому что мне очень горько и больно. Моё сердце всем этим, как ножом изрезали, и оно – огромная кровоточащая рана. Когда заживёт – не знаю. Очень я любила мужа. Он меня тоже. Но вот видишь, как получилось – от любви до ненависти один шаг, оказывается.

Брак, я думаю, расторгли уже без меня. И со временем король снова женится. Подведёт новую девушку к артефакту признания, объявит её своей женой, и всё: «Да здравствует новая королева». Артефакт полыхнёт малиновым пламенем, подтверждая её статус, а моё имя сотрут из всех летописей.

Девушка с жалостью посмотрела на меня и хотела что-то сказать, но я резко мотнула головой:

– Всё. Не надо меня жалеть. Закрыли эту тему, – я закрыла глаза и несколько секунд приходила в себя. – Значит так. Мы продаём кольцо. Постараемся подороже. Деньги расходуем экономно, только на самое нужное. Здесь у нас есть полгода, потом, как сказала та пожилая женщина, отсюда надо уходить. Здесь облавы проводятся.

– Да-да, – испуганно затараторила Мария, – мне девочки уже рассказали. Здесь подвал есть с потайной дверью – туда все прячутся, когда купцы приезжают.

– Поэтому у нас есть полгода, чтобы перебраться в другие кварталы, а может, и вообще покинуть город. В мой родной город возвращаться нам некуда. Дом после смерти батюшки продан, а деньги, если ты помнишь, я на коронации нищим попросила раздать. Здесь я начну собирать травы и готовить из них мази и настойки местных. Для этого тоже потребуется потратиться. А начну с ранозаживляющей и заразу вытягивающей, – и я приподняла подол своего платья.

Мария опять ахнула.

– Так, Гер. Хотите не хотите, – девушка опять перескочила на «вы», поднялась и твёрдо сказала, – сейчас я принесу тазик и вымою вам ноги. Перебинтую и принесу туфли. У нас здесь есть запас для выхода в зал вечерами. От одной пары понекрасивее не убудет. Я же вообще здесь в тоске и унынии прибывала, пока вы не появились, а так лучик солнца прямо сквозь чёрные тучи пробился. Меня всю наизнанку выворачивало, когда думала, что в борделе шлюхой придётся работать. Вы меня только не прогоняйте, я всё что угодно сделаю. У меня прямо силы появились. Сидите здесь, я сейчас всё принесу, – и девушка выскользнула за дверь.

Я горько улыбнулась и покачала головой. Я храбрилась, но на самом деле мне было дико страшно. И то, что я встретила Марию, для меня тоже было подарком судьбы. Малюсеньким во всей этой ситуации, но подарком. Для меня и моего ребёнка.

Глава 13

Мария вначале принесла тазик, потом притащила кувшин воды и чистую тряпку перебинтовать на ноги. Села передо мной, но я её остановила:

– Нет, Мария. Всё. Нет больше служанки и госпожи. Я справлюсь сама. Спасибо тебе хотя бы за то, что позволяешь мне это сделать у тебя.

Девушка сначала растерялась, потом кивнула и ушла.

А я аккуратно стала промывать раны на ногах. Да, дело было не очень хорошо. Царапины не в счёт, но вот три глубокие раны внушали опасение. Они начали воспаляться. Кожа вокруг разбухла, и изнутри стала сочиться сукровица. Пока я занималась ногами, вернулась Мария с подносиком. На нём стоял графин с водой, кружка и тарелка, накрытая салфеткой.

– Гер, простите, что мало, но что было на кухне. Здесь остатки овощей, хлеб и вода. Повариха приходит ближе к середине дня и начинает готовить. Все здесь ведут ночной образ жизни.

– Мария, ну что ты. И за это спасибо. У меня второй день даже маковой росинки во рту не было.

Только сейчас я поняла, как хотела пить. Обернула ноги и выпила сразу стакан воды. Заставляя себя сдерживаться и не набрасываться на пищу, как дикий зверь, держа спину, маленькими кусочками, стала тщательно пережёвывать.

Сытость наступала медленно, а с ней и расслабление. Стоп. Нельзя. У тебя очень много дел.

Мария принесла на выбор несколько пар туфель. Все были на каблуках. Но что делать, дарёному коню в зубы не смотрят. Здесь правда был арендованный конь. Выбрала самые удобные.

– Гер, что я подумала, давайте сейчас не пойдём кольцо продавать. Девушки проснутся, и я их поспрашиваю про скупщика. Узнаем, кто проверенный, и отправимся туда завтра. Хлебушка я с собой вам дам.

– Тебе.

– Тебе дам. Морковку сырую. Воду чистую мы с ручья набираем и приносим.

Я задумалась, анализируя её слова. Морковка так морковка. А вот насчёт скупщика она была права на сто процентов.

– Тогда мне надо сейчас к женщине той вернуться. Домик какой-нибудь занять и, не откладывая на завтра, начать травами заниматься.

Девушка кивнула:

– Только вместе пойдём, чтоб я знала, где тебя искать. Я сейчас только домою полы на кухне и крыльцо. Посиди здесь, я быстро.

Девушка убежала доделывать дела. А я встала и попробовала походить. Нормально. Вот потом надо будет туфли поудобнее купить. Самые дешёвые. Я не боялась бедности. Мы с отцом жили совсем небогато, и я не была избалованной фифой.

Умела экономить, иногда, когда повариха болела, даже могла что-нибудь приготовить сама. И убиралась в своей комнате. Мария, конечно, делала свою работу, но она мне полагалась больше для статуса. Аристократкам без служанок никуда.

Уставилась в пол и закусила губу. Опять вспомнила бешеный взгляд Теодора и его леденящие душу слова: «Я лишу тебя даже имени».

Они на самом деле, хоть я старалась не думать о муже, набатом звучали в моей голове и отдавались в висках. Что имя? Он выдернул меня из своей жизни и не дал возможности оправдаться. Потому что, если бы он потребовал ответа и присмотрелся – он бы понял, что со мной что-то не так. Сердце застучало ещё громче. Так, стоп, останавливаемся и не думаем.

Няня рассказывала, что беременным нельзя волноваться. Этого “добра” я и так уже хлебнула по самую макушку. Думаем о другом.

О растениях. После того как я пойму, где смогу жить, мне надо заняться поиском лечебных трав. Буду собирать всё подряд, что попадётся. Но есть одно но, и оно потребует денежных вливаний.

Для настоек потребуется крепкий напиток и бутылочки с крышкой. Закрывающиеся тары нужны и для мазей, и их надо будет покупать.

Ладно, по первости можно будет деревянной лопаткой накладывать людям в листики хотя бы. Но всё равно мазь должна будет храниться в посуде с крышкой. А ещё нужен холодильный камень. И это тоже расходы.

Но это потом. Собранная трава трое суток сможет полежать, подвялиться. Правда, в темноте. А потом надо будет использовать. И компоненты тоже надо покупать. Как легко было во дворце и дома. Сказал, что тебе нужно, и всё тебе принесли, а здесь изволь всё сама добывать.

Интересно, можно попросить у Марии жира какого? Для мазей. И железную кружку.

Об этом я и спросила девушку, когда она пришла. Она кивнула.

– Я потом куплю и всё верну.

Через минут пять мы уже вышли из дома и отправились в сторону домика той женщины.

Женщин в алых платьях прибавилось, и они, сонно зевая, торопились по своим делам. В присутствии Марии я себя чувствовала уже поуверенней, за нож хвататься не хотела, и поэтому, видимо, не особо привлекала внимание. По мне скользили равнодушными взглядами не задерживаясь.

– Надо, наверное, сменить платье? – спросила я спутницу задумчиво.

– Пока волосы не отрасли – бесполезно. Только если парики таскать. И вдобавок алое платье здесь как маскировка. Добровольно этот цвет никто не наденет.

С этим я, пожалуй, соглашусь. Только когда переберёмся отсюда, поменяем, а сейчас как есть.

Бабуля та, пригревшись на солнышке, так и сидела на крылечке. Видимо, на работу ей надо было попозже идти. Ну да, конечно. Скорее всего, она двинется к вечеру, когда люди гулять начинают.

– Вернулась? И, смотрю, не одна?

– Да, знакомую встретила. Покажите, какие дома пустуют?

– Дома? – старуха расхохоталась. – Дома – это звучит гордо, девонька. Лачуги, хибары, сараи. Вот три в ряд стоят. Заходи, смотри. Оттуда, правда, всё выгребли, как бандиты эти девок вывезли. Но если обзаведёшься имуществом – следить за ним надо будет.

Мы кивнули и начали осмотр. Женщина была права.

Земляные полы. Выбитые стёкла. Небо, просвечивающее через дыры. Все три дома были как близнецы-братья. Выбрала я самый последний. За ним был небольшой садик, только от деревьев там оставались жалкие пеньки, но зато росло много кустов и растений.

Что ещё мне понравилось в домике – кровать. Огромная, тяжёлая, деревянная, и именно потому, что она громоздкая, на неё никто не покусился. Была полуразрушенная печь, но её ещё хватило бы, чтобы разжечь огонь и приготовить на нём мазь.

Мария вздохнула, оглядев мой выбор, но ничего не сказала, и я была ей очень благодарна за это.

– Я пойду, соберу траву. Могу я тебя попросить разжечь огонь один раз? Потом буду учиться делать это сама.

– За спичками тогда сбе́гаю. И кружку с жиром принесу. Вы ещё мёд, помнится, добавляли.

Я кивнула:

– Для разогревающей мази от ломоты в костях.

– Ва… Гер, у меня хозяин вчера спину потянул. Может, я принесу пару ложек и мисочку, ему приготовишь? Глядишь, если поможет, возьмёт под защиту.

– Это было бы чудесно.

– Вы только на всякий случай лицо чем-нибудь испачкайте. Мало ли, вдруг ему понравитесь.

А вот этого мне совсем не надо.

Глава 14

Мария убежала к себе, а я вытащила свой нож и пошла за растениями. Некоторые мне надо было выкапывать с корнями, с некоторых собирать только цветочки, а с каких-то мне нужны были только листья.

А вот и живучка, моя хорошая. Простенькая травка, растет везде вдоль дорог, неприметная, а очень полезная. Няня говорила, что она в детстве постоянно листики ее к ранкам прижимала.

Но действует она очень короткое время при этом. Минут пять, потом выкидывать надо – отдала свою силу, и новую рвать надо. А чтобы силу свою передала и дольше действовала, ее надо томить одну песню.

Одна песня – это мы так называли временной промежуток. Старинная песня, я ее просто заучила, но слова не понимала. Для меня это был только набор слов. И вот именно ее надо было проговорить, пока живучка томилась в кипятке. Но потом нельзя было допустить больше трех пузырьков, чуть отодвигая, иначе всю силу растеряет.

Мне нравилось возиться с растениями. Эти занятия успокаивали меня, заряжали какой-то уверенностью и размеренностью. Отступали волнения и тревоги. Меня наполняло тихой радостью, когда я готовила отвары.

Отец даже приказал мне организовать летнюю печь в саду под навесом и отдал маленькую каморку под мои сухоцветы, там же стоял ящичек с холодильным камнем. В нем я хранила мази и настойки. Я их не продавала, мне просто нравилось их готовить и потом дарить. Иногда, когда я сталкивалась с какой-нибудь болезнью, думала, что могу, если не вылечить, то хотя бы облегчить ее. И очень радовалась, когда у меня всё получалось.

И вот сейчас я прямо наполнялась, собирая травы. Вот эта пойдет в горячительную мазь, а эта ее усилит.

А это кто у нас? Надо же, кто тут у нас спрятался. Болиголов. Вроде название такое, а на самом деле он разжижает густую кровь. Но ее не всяким можно употреблять. Голова она может болеть от разного. Вначале надо поспрашивать, в каком месте боль. Какая? Тянущая или острая?

А вот эта успокаивает горло больного, но я ее не буду трогать. Сейчас люди мало болеют в это время года, а вот к зиме, через месяц, можно собирать уже будет.

Я больше ходила присматривалась, чем рвала. Сейчас решила собрать только ранозаживляющую себе и для хозяина публичного дома.

Когда притащила их в свой нынешний дом, поняла, что стола у меня и не было. А траву надо было мелко-мелко нарезать. На кровати резать? Нет. Не пойдет. Я вышла из дома и огляделась. Вплотную к моему жилищу были навалены куски досок, видимо, бывшие хозяева нанесли, чтоб отогреваться. Выбрала себе кусок побольше. Вот мне стол и будет.

Села на кровать. Перебрала листики живучки, отряхнула их и стала мелко нарезать. Отрешившись от действительности, сконцентрировалась только на них. Подошла Мария.

В руках у нее был узелок.

– Я решила, так удобнее дотащить будет.

Она поставила его на кровать и аккуратно развязала.

– Вот я еще кружку притащила, из нее пить невозможно уже было. Выкинуть хотели. Видишь, край откололся. Здесь вот кружка с медом и стаканчик с жиром. Эти я потом на место верну. Спички сюда принесла.

Я кивнула.

– Так, Мария, что мне потребуется. Вода чистая – раз. Может, ты мне покажешь, где ее здесь набирают? Второе – лопатка, чтобы мешать, на худой конец палка удобная. Но это мы по пути найдем.

Служанка кивнула.

– А потом мы уже печку растопим.

Со всеми этими хлопотами мысли стали кружиться только около травоварения, и мне постепенно становилось легче.

Я тщательно запоминала путь к источнику, старалась отмечать в памяти разные детали, особенно где какая трава произрастает. К своему удивлению, я не могла идентифицировать только несколько видов. Внутри даже гордость саму за себя поднялась, оказывается, я в самом деле хорошо разбиралась в растениях. Эх, сюда бы книги мне. Горько усмехнулась: “Забудь. Не вспоминай. И не жалей себя, иначе это чувство будет жрать тебя изнутри».

А по возвращению Мария, рассказывая и показывая, приготовила печь к розжигу. Вычистила ее. Даже в углу среди кучи мусора отыскала чугунную решетку. Установила ее сверху. Положила внутрь щепочек и сухой травы.

– Смотрите, смотри. Главное, чтоб тяга была. Сюда ты будешь подбрасывать дощечки, когда огонь разгорится.

Я кивала и запоминала. Всё, Гер, нет у тебя больше работников. Ты теперь сама по себе. Надейся только на себя. Я поставила себе эту цель – научиться выживать, и как шоры на глаза одела.

Огонек весело заполыхал, и я поставила кружку с водой на решетку. Стоило ей закипеть, хотела отодвинуть ее и чуть не обожглась. Тяжело вздохнула на свою глупость. Сняла с головы платок, обмотала им руку и уже спокойно сняла кружку с огня. Мария молчала, не бросаясь мне на помощь. Девушка понимала, что мне нужно научиться все делать самой.

Я закинула туда мелконарезанную живицу и, поставив ее на краешек решетки, стала читать песню.

Что могу сказать? Что я такая молодец и сразу всё получилось? Нет. Это я к той печи, что у меня дома была, привыкла, а здесь пришлось три раза выливать раствор и готовить заново, пока я не приспособилась к здешним температурным реалиям моей печки. После часа мытарств, пришлось даже новую живицу собирать, у меня наконец получилось то, что надо.

Я отставила его в сторону остывать и принялась за готовку мази для хозяина Марии. Здесь было уже попроще. Я уже поняла, с какой стороны поставить кружку и растопить мёд с жиром. Медленно, очень медленно. И опять мелко нарезала траву. Мария было бросилась мне помогать, но я остановила её:

– Нет, я должна готовить всё сама. Няня говорила, что растения должны пройти только одни руки от начала и до окончания процесса.

А потом опять песня и постоянное помешивание палкой с расщеплённым концом. На каждый раствор полагалась своя. В раствор не должно попасть ни капли постороннего. Мази готовились долго. Отложила в сторону маленький кусочек жира, мало ли на следующую порцию понадобится. После того как в растопленную с мёдом массу насыпалась мелко нарезанная трава, песня звучала десять раз, не больше ни меньше.

Что меня всегда удивляло – это конечный результат. Трава как будто разваривалась и превращалась в кашеобразную массу. Это песня так на неё влияла? Видимо, что-то магическое в этих древних словах. Естественно, я дома пробовала и без песни готовить. Экспериментировала, так сказать. Так там кусочками растения плавали. А вот по качеству не понимала, терялось или нет. Даже на животных не рисковала испытывать. Выливала и готовила по-человечески.

Мария сидела на кровати и завороженно наблюдала над действом. И вот последние слова произнесены, и я отодвигаю будущую мазь для разогрева в сторону.

Теперь можно заняться своими ногами.

– Помочь? – спросила Мария.

Я помотала головой.

– Спасибо, сама сделаю всё.

Я перелила подостывшую желеобразную массу в керамическую кружку, ту, с отбитым краем, и вручила железную Марии.

– Хочешь помочь – сходи снова к источнику, помой и новой воды принеси, пожалуйста. Чай заварю. Я здесь общеукрепляющую травку заметила. Нам не повредит, а я пока ноги обработаю.

Мария схватила кружку и убежала, а я, усевшись на кровать, медленно размотала повязку. Отрезала несколько кусочков ножом и сложила вчетверо. Аккуратно новой палочкой наложила на нее травяную кашку, приложила на глубокие раны. Перемотала заново вначале одну ногу и заканчивала заниматься другой, как входная дверь распахнулась. В комнату вломились двое мужчин.

Глава 15

Я замерла с куском полоски в руках. У меня даже не получалось вдохнуть. Меня нашли люди Якоба? Моя рука медленно поползла к ножу, лежащему рядом.

Мой жест заметили. Прыгнули к кровати и схватили моё оружие.

– Не балуй, новенькая.

Они огляделись. Их внимательный взгляд зафиксировал всё вокруг. И остатки травы на разделочной доске, и кружку с зелёной кашей. Один подошёл и сунул нос в ещё горячую мазь.

Я сидела неподвижно, только подолом прикрыла ногу и молча смотрела на вошедших. Меня тоже внимательно осмотрели. Отметили и бритую голову, и порезы на ней, и губу с начавшей заживать раной. Скользнули по драной кофте, алому платью и даже поношенную обувь не обошли вниманием.

Я их тоже разглядывала, пытаясь понять, кого принесло ко мне в гости. Невысокие, крепкие, свёрнутые носы, шрамы. Грубые черты лица. Глаза жёсткие. Одежда – солянка. Простые штаны и куртка из хорошего материала, но дырявая, грязная и надетая на голое тело у одного, у другого дорогая обувь, но одежда скромная. Один, когда поворачивался, морщился. Рана на боку?

Я старалась проанализировать всё, что я вижу, тщательно, скрупулёзно. Нет, в их глазах не было радости по поводу моего обнаружения. Они мне напоминали двух крыс, настороженно изучавших новую обстановку. Не похоже, что это мои похитители. Местные?

Я продолжала молчать, ожидая, что они скажут.

– Не обманула старая. Не зря монетку за новость заплатили. В самом деле лекарка-травница у нас объявилась.

Это они про ту бабушку. Я усмехнулась. А что ты хотела? У каждого свои корыстные интересы здесь. Вот и бабушка разнесла весть обо мне. С одной стороны, хорошо, конечно, с другой, не дойдёт ли эта новость до людей Якоба. А меня будут искать. Но свяжут ли лекаркутравницу с королевой? Вряд ли. Во дворце я не готовила отвары, только книги читала и букетики собирала.

– Не обманула, – ответила я, стараясь говорить спокойным голосом. Потом приподняла чуть подол и продолжила перевязывать ногу.

Первый сел передо мной на колени, поигрывая моим ножичком. Второй подпёр спиной косяк.

– Как звать тебя, новенькая?

– Гер, – коротко ответила я, не поднимая глаз, занимаясь ногой.

– Гер так Гер. Слышь, травница, тебе рассказали про местные реалии?

Я закончила перевязку, сунула ногу в туфлю и посмотрела на мужчину перед собой.

– Нет. Просветишь? Но позже. Вначале куртку снимай, рану твою посмотрю.

Брови у мужчины дёрнулись вверх. В глазах мелькнуло удивление.

– Глазастая. Ладно.

Он поднялся и скинул куртку. Я не ошиблась. Под ребром виднелся след от удара ножом. И она гноилась. Я дотронулась тыльной стороной кисти до парня. У него уже повысилась температура. Я сжала губы и перевела взгляд на второго. Тот, сощурившись, внимательно наблюдал за мной.

Лёгкое движение брови вверх спрашивая:

– Дела плохи?

Движением головы ответила: «Ещё нет, но скоро да».

– Помочь сможешь? – это он уже спросил голосом.

Я любила наблюдать за животными и научилась читать их повадки. В стае собак, например, вожак держался в стороне при мелкой своре и выступал вперёд только, где это требовалось. И главный в этой двойке был явно второй. Тот, что стоял передо мной, был рядовым, если сравнивать их с армейскими порядками.

Дверь снова распахнулась, и вошедшая Мария с кружкой в руках ахнула, увидев гостей.

– Мария, осторожно, не разлей воду. Она мне понадобится сейчас.

Она кивнула и с опаской поглядела на стóящего около стены мужчину.

– Не паникуй, девка, если поможете – опасаться нечего будет.

Я похлопала мужчину по спине:

– Садитесь на кровать. И нож верните, мне нужно пойти и нарезать новые растения. То, что есть, не подходит. Это заживляющая и не дающая образовываться гною. У вас воспаление глубоко пошло.

Тот вопросительно взглянул на своего спутника. Старший коротко кивнул.

Нож мне протянули рукояткой вперёд.

– Мария, вскипяти эту воду, пожалуйста. Будем рану промывать.

Потом я остановилась и встала в задумчивости.

– Что-то надо? – правильно понял меня второй.

– Да. Мне нужна ступка и пестик.

– Пойду с тобой, подберу что-нибудь.

Я усмехнулась про себя. Не доверяют. Но наверное, так и надо в здешних местах. Потом мрачно добавила: и не в здешних. Смогу ли я когда-нибудь верить так безоговорочно, как прежде? Вряд ли. У меня было ощущение, что я повзрослела на десяток лет.

– Да, пойдёмте.

Я быстро нарезала нужные стебли. А мужчина нашёл камень с углублением в середине и второй, тупой, вытянутый, которым будем растирать растение в кашу.

Я нарезала стебель помельче. Обдала кипятком камень-пестик. Положила растение в углубление и стала растирать, проговаривая песню. Здесь надо было её произнести пять раз. После этого отрезала от полотна для головы два кусочка и замочила в кипятке.

А теперь самое трудное. Делала я это только один раз в жизни и то под присмотром няни.

Я подержала лезвие ножа над огнём. Песня один раз. Выудила один кусок ткани, положила на мою импровизированную ступку, только сбоку от кашицы.

Посмотрела на второго:

– Палку ему в зубы.

Тот понял, ушёл и вернулся через минуту, заставил моего пациента обхватить её зубами, а я стала резать гнойник и опять петь. Остатками кипячёной воды помыла, сполоснула правую руку и стала уже тряпкой удалять гной.

А теперь кончиком ножа подхватываем кашицу стебля и засовываем поглубже. Мой пациент стонал, но не дёргался. Второй тряпочкой прикрыла нанесённую массу. Вздохнула, разрезала оставшееся полотно на полоски и стала обматывать мужчину.

– Мария, ещё нужно воду. Чай ему сделать, чтоб и изнутри работать начало.

Мужчину напоила приготовленным чаем, глаза его стали слипаться.

– Поспите. Это на час-два, потом уже другую мазь нанесём, и всё будет хорошо.

Тот улёгся, подложив под голову свою куртку, и захрапел.

Второй присел рядом и сказал:

– Ну теперь поговорим, Гер.

Я кивнула.

– В Яме нет власти, здесь каждый сам за себя. Есть множество мелких банд. Мы стараемся здесь держать нейтралитет и не лезем друг к другу, но бывает, сталкиваемся лбами. Другим

никто не помогает, а старается ослабить. Здесь нет друзей, не факт, что этот, – он кивнул на спящего, – завтра не прирежет меня, чтоб занять моё место. Здесь правит сильнейший.

Ты – лакомый кусочек, потому что свой лекарь – это сила. И тебя могут убить, чтобы ты не помогала врагам. Старая уже наверняка всех оповестила о тебе. И скоро сюда придут следующие жаждущие помощи. Судя по всему, покровителя у тебя нет.

Я молчала. А что говорить? Всё, что он говорил, – была правда жизни.

– По-хорошему, мне надо забрать тебя к себе, посадить в подвал и заставить работать только на себя. Платить тебе, но не выпускать. Станешь птичкой в золотой клетке.

Внутри у меня всё сжалось. И я зажмурилась. Сказать, не сказать? Но мне деваться было некуда. Та перспектива, что мне обрисовали, меня не вдохновляла.

– Мне нельзя в подвал, – прошептала я. – Я жду ребёнка.

Глаза Марии округлились. Мужчина посмотрел на мой живот и сказал:

– Тогда тебе надо объявить себя бессеребренницей.

Я подняла на него глаза:

– Что это значит?

– Та, что не требует платы за услуги. В Яме есть только одно правило: тем, кто не требует денег, дают что-нибудь, но не монеты. Или совсем ничего не дают, но тогда их не трогают, хоть и пользуются. Их не защищают, не охраняют, ничего, но и не обижают.И у тебя будет шанс пожить спокойно. Опять же до облав. С этими волками, что сюда являются, никто из наших не связывается, и тебя никто не будет защищать или прятать, потому что ты бессеребренница. А купцы сюда явятся за живым товаром рано или поздно. Этот квартал, куда стекаются со всех сторон. Столица королевства – хлебное место, и здесь бедолаги выкинутые могут заработать. Думай, девочка. Что выбираешь?

Я лихорадочно думала, уставясь в пол. Что же делать? Идти под защиту или так?

Глава 16

С одной стороны, идти под защиту, но в подвал, и мне не позволят уйти отсюда до конца моих дней. Эта дорога в один конец. Я вздохнула. С другой – проедать деньги, вырученные за кольцо, и ещё мне на них надо купить столько всего для создания лекарств. Я даже не говорю, что нужно конкретно для меня. Одеяло то же. Мне потребуются банки, бутылки с крышками. Банально ведро для воды. С кружкой я не набегаюсь. И облавы те же.

А потом, когда деньги закончатся? Что после этого?

Я не знала, что сказать, пока дверь не распахнулась, и внутрь не зашли ещё два мордоворота.

– Оба- на, кто тут у нас сидит. Ну что, как будем делить лекарку?

Тот, кто со мной разговаривал, медленно, по-кошачьи поднялся, в руках его оказался нож. Откуда он только его вытащил? Вошедшие тоже оголили клинки.

И вот тогда я решилась и выпалила:

– Никак меня делить не надо, я – бессеребренница.

Тот, кто пришёл раньше, даже выдохнул, услышав мою фразу, и убрал нож. Другие чуть поморщились, но деваться было некуда.

Они оглянулись и, поняв, что сидеть можно только на кровати, ушли.

– Может, и правильное решение, Гер, а может, и неправильное. Жизнь покажет.—усмехнулся мужчина.

Я кивнула. Прислушалась к себе и поняла, что мне как-то легче стало от этого решения.

Я посмотрела на свою уже бывшую служанку, угрюмо молчавшую.

– Мария, отнеси своему хозяину мазь. Скажи: «Подарок от бессеребренницы».

Та кивнула, взяла остывшую кружку и ушла. Буквально через минуту вошли те двое с двумя грубо сколоченными табуретками в руках.

– Подарок вот, – и уселись на них сами. Я усмехнулась.

– Спасибо. Вы правы – с мебелью у меня здесь напряг. Как и со всем другим. Вас что-то беспокоит?

– Зуб ноет, зараза, а ночью прямо дёргать начинает.

– Если дёргать начал – не помогу, его удалять надо.

– Эх, жалко, ну что делать. Ещё вот – смотри, чешется сильно, и он задрал рукава рубахи.

Я поднялась и нагнулась над его вытянутой рукой. Похоже, чесотка. Здесь мазь надо готовить. Но в чём? В последней и единственной кружке? И потом даже попить не из чего будет. Повертела её в руке. Ну что делать?

Мою растерянность поняли правильно?

– Чего?

– Я приготовлю мазь, но у меня нет того, во что её переложить. Вы не могли бы принести свою кружку для этого?

Кивнули.

– А я пойду за водой схожу и помою.

– С кружкой за водой?

Я пожала плечами.

– Как видите.

– Стой. Слышь, малой, – обратился он к, видимо, младшему по званию, – дуй до наших, кружку возьми и ведро. Да сразу на источник забеги и сюда притащи. Одна нога здесь, другая там.

Мужчина убежал. Мне похлопали по табуретке – садись, дескать, посиди. Я послушно присела.

– Что с твоим? – кивнули на спящего.

– Три дня назад от складских в бок пером получил. Лихорадить стало. Гер вон промыла, выскоблила его и мазьку наложила, потом отваром напоила, чтоб, значит, изнутри его полечить. Судя по храпу, на выздоровку пошёл. До этого только стонал.

Тот, что с табуретки, посмотрел на меня:

– Гер, значит.

Я кивнула.

Потом он снова обратился к сидящему на кровати:

– Новость слышал?

– Какую?

– Сейчас на площади указные орали. Король наш с королевой развёлся, лишил титула типа и даже имени.

У его собеседника глаза выпучились:

– Да ладно. За что?

– Не знаю. Ничего не сказали про это. Только проорали, что нет у нас больше королевы, и всё.

Холод ледяной иглой уколол меня в грудь и, выпустив морозные корни, стал оплетать мне сердце. Я медленно превращалась в ледяную статую. Вот и всё. Теодор узнал, что меня освободил из тюрьмы любовник. И все его сомнения, если они и были, канули в небытие.

Только как они смогли развести нас без моего согласия? Да какая разница теперь. Развели и развели. Путь новой жене расчищен.

– Может, она с врагами королевства связалась?

– Может. Кто его знает.

– И куда её дели? Из дворца погнали?

– Вряд ли, если вражиной стала. Заперли, скорее всего, в темницу или в башню до конца дней.

Они ещё сидели, обсуждали всю эту ситуацию, гадали почему да как, и не связывали лысую деву в алом платье и рваной кофте с той красавицей в белоснежном платье, вуали, фате, от лица которой потом раздавались деньги нищим.

А я сидела и молчала. Хотелось плакать, но я сдерживала себя изо всех сил. Спас положение “посыльный” за водой.

Я пошла за новой травой, даже нет – корой, и потом стала варить отвар. Песня отвлекла меня от тяжёлых дум. Потом я бросила последний кусочек жира в отвар и стала томить. Мужчины обсуждали дела. Проснулся раненный в бок. Я, отставив в сторону приготовленную от чесотки мазь, взяла кружку с живучкой и стала перебинтовывать своего первого пациента.

Первые ушли. Занялась вторыми. Приходили новые. Вернулась Мария с узелком.

– Еды принесла. У хозяина для тебя попросила. Он, кстати, спасибо передал. Помогла ему мазь. Прямо , на глазах легчает. Спросил, нуждаешься ли ты в чём? Я намекнула, что одеяла нет. Сказал, старое отдаст.

Я кивнула. Сил говорить не было. Попросила только набрать мне травы вместо подушки. Кофтой своей накрою. Хорошо хоть мне ведро оставили. Помятое, но ведро. Я наконец-то сходила за травкой для себя и заварила чай.

Когда вернулась Мария и положила мне на кровать старенькое одеяло, посетители закончились.

Я впервые за день смогла хоть как-то расслабиться, попивая свежезаваренный чай маленькими глоточками.

– Слышала уже новость? – тихо спросила девушка.

Я кивнула. Больше она ничего не сказала про это. Ни словечком не обмолвилась.

– Я у девушек про скупщика узнала. Есть здесь проверенный, сильно, говорят, нашу братию не обижает.

Я снова кивнула. А когда Мария ушла, кинула кофту на ворох травы, завернулась в одеяло и, свернувшись в комочек, заплакала. Я знала, что всё так сложится, но у меня в душе тлела маленькая надежда, что может случится чудо и всё как-то образуется. Что каким-нибудь макаром муж узнает правду, разыщет меня. Откроет дверь, упадёт на колени и попросит прощения.

А я, хоть и жутко обижена, прощу, потому что я дура и потому что я его очень люблю. И он будет целовать моё клеймо, гладить по остриженной голове и говорить, что не беда – волосы отрастут, и что он больше никогда не будет принимать решения сгоряча и не разобравшись в ситуации.

Я мечтала об этом в глубине души, хоть и была на него очень сильно обижена. А теперь всё. Я смотрела мокрыми глазами в стенку напротив. Слёзы кончились, мечты тоже. Как меня выбросили из жизни – то же самое должна сделать и я. Иначе жить с таким грузом невозможно.

Надо начинать с самого начала. Я – Гер, бессребреница Гер, которая должна за месяца три найти себе место в новой жизни. Ради своего нерожденного ребёнка. Ради малыша. Сжав зубы. До рождения я должна перебраться в нормальные условия, пережить зиму и выжить, несмотря ни на что.

Глава 17

А с утра я умылась и стала готовиться к приёму новых пациентов. На вырваться в город, чтобы продать кольцо, у меня банально не хватало времени. Я то варила мази, то осматривала больных, то собирала траву и кору.

Хорошо, что они приносили с собой еды. Кто кусок хлеба, кто яблоко, кто овощи. Тот, кого я лечила в первый день, принёс даже мясо сушёное.

Прослышали о том, что у меня практически ничего нет, принесли кастрюльки, ложки и чашки. У меня появились миски. Одна женщина принесла простыню, которую я разодрала на перевязочный материал.

Две недели я работала, как не работала никогда в жизни. Наверное, это было к лучшему. Потому что боль от вести о разводе слабела и капсулизировалась. Я училась жить по-другому. Я научилась улыбаться. Много приходило детишек со взрослыми глазами. Они не плакали, когда я зашивала их раны, подаренной иглой и нитками, вырванными мной из шелкового платочка.

Человек – существо странное, привыкает ко всему. Как ива гнётся и не ломается. И я оказалась такая же.

Мария помогала мне как могла. Прямо на следующий день после моего появления договорилась с хозяином, что работает у него служанкой, а живёт со мной. Натащила досок на пол. Выпросила себе одеяло и спала на этой импровизированной кровати.

По вечерам мы обсуждали с ней прошедший день. В один из таких дней она и рассказала мне новость:

– Люди здесь появились пришлые, странные. Выспрашивают о девушке новенькой в алом платье и лысой.

Я прищурилась.

– И что местные?

– Смеются им в лицо и посылают.

– А пришлые?

– Деньги предлагают. Большие. Но наши молчат. Бессеребренников не сдают, хоть многие догадываются, кого ищут.

– Не купятся?

Мария пожала плечами:

– Да кто их знает? В Яме ты же знаешь, верить сильно никому нельзя. И просить тоже не надо. Здесь либо сами дадут, либо не дадут.

Я улыбнулась:

– Что же ты у своего хозяина попросила?

Мария засмеялась:

– Да потому что ему заподло бедным прикидываться. И без денег просить мазюку ту. Поэтому он и рад сказать, что не за бесплатно у бессеребренницы лечение принимает. Иначе уважение потеряет. Вот и откупился одеялами старыми да утварью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.